

А. В. Лямзин,
доцент УрФУ, г. Екатеринбург

И. Н. Чемпалов о Великой Отечественной войне: воспоминания в жанре интервью

Вот здесь он шел. Окопов три ряда.
Цепь волчьих ям с дубовою щетиной.
Вот след, где он попятился, когда
Ему взорвали гусеницы миной.
Но под рукою не было врача,
И он привстал, от хромоты страдая,
Разбитое железо волоча,
На раненую ногу припадая.
Вот здесь он, все ломая, как таран,
Кругами полз по собственному следу
И рухнул, обессиленный от ран,
Купив пехоте трудную победу.

К. Симонов. «Танк»

Этот аллегорический отрывок стихотворения Константина Симонова как нельзя лучше, на мой взгляд, соответствует образу Ивана Никаноровича, навсегда сохранившемуся в моей памяти. Дело не только в том, что на фронте основатель Уральской школы международных был танкистом и сражался в тех местах, о которых и написаны эти строки. Продолжая образный ряд стихотворения, я бы сказал, что Иван Никанорович, подобно мощной стальной машине, своим каждодневным мирным трудом, своей колоссальной убежденностью в необходимости работы исследователя, проломил нам дорогу к познанию других стран и континентов. По этому пути до сих пор шагаем мы, пехота международных отношений.

Иван Никанорович, где Вас застало известие о начале войны?

22 июня 1941 года я готовился к сдаче экзаменов по истории стран Латинской Америки. Я был на третьем курсе исторического факультета УрГУ. Когда пришел к ребятам, говорят — война. Экзамены в сторону. На следующий день моя группа пришла в военкомат. Тогда эта улица именовалась Загородной. Это где сейчас Автовокзал.

Очередь у военкома огромная. Когда я подошел к нему, спрашивают: «Вы состоите на военном учёте? — В Челябинске. — Вот туда и езжайте! Тут со своими трудно справиться, видите, какая очередь». Приехал в Челябинск, где я работал на заводе. В Свердловске я сдавал экзамены экстерном, за третий курс. Тогда не было заочного — экстерном. Я первый-второй курсы проучился, а поскольку только отличникам давали стипендию, я перешел работать на завод и переклужился на экстерн.

Когда приехал в Челябинск, оказывается, уже с января 1941 года мы были забронированы. Все эти разговоры о том, что не готовились к войне и так далее, это, конечно, всё слухи. Страна готовилась к войне, но в тот период времени очень важно было для нашего политического руководства, в первую очередь Сталина и Молотова, выяснить, какова будет позиция Англии и Америки. Позиция этих стран была двусмысленна. Когда мы 3 июля шли на завод, я прослушал речь Сталина, фактически, программа действий и в тылу, и на фронте.

А Вы как восприняли эту речь?

Как программу действий!

Вы не удивлялись, что Сталин не выступил 22 июня?

Нет! А зачем ему было выступать? Я до этого говорил, что он выяснял, какова будет позиция западных стран. Я же всё-таки с третьего курса университета был, более-менее подготовленный.

В этот период времени на заводах мобилизация прошла. С запада эвакуация промышленности. Наша огромная оборонная промышленность, ещё со времён царской России располагалась: Петербург, Брянск, Днепропетровск, Харьков и так далее. Там находились и тракторные заводы, рядом с тракторным цехом имелся танковый цех.

Это понятно, я хотел спросить о Вас, что делали Вы, как человек?

Я работал техником по сырью на Челябинском абразивном заводе и ездил по всему Уралу. Заказы на бокситы, это СУБР за Серовым. Оттуда мы получали бокситы. Во время этих разъездов я видел, какая огромная мобилизация промышленности происходит и её перебазирование с запада на восток. Какие в этот период времени, на мой взгляд, были крупнейшие мероприятия. В Челябинске была гидростанция мощностью в 120 тыс. кВт. А рядом ферросплавный завод, у него несколько печей по ферро-хрому, а было несколько по

ферро-вольфраму на 12 тыс. кВт. Так, к 1943 году построили новую электростанцию, ТЭЦ. Вот сейчас недостаток электроэнергии... В то время построили ТЭЦ 180 тыс. кВт.

Перед отъездом на фронт я сдал шапку в камеру. Тогда делали проверку на вшивость. Прожарку делали. Кожаную шапку сдал, а оттуда мне выдали такую, с кулачок. Полностью деформировалась. В 1943 году, когда закончилась Сталинградская битва, три уральских обкома — Свердловский, Челябинский, Пермский — объявили о создании Уральского добровольческого корпуса. И я подал заявление. Три танковых бригады, одна свердловская, одна пермская, одна челябинская. И плюс к этому мотострелковая бригада. Она тоже из трёх батальонов, каждый по 500 с лишним человек из каждой области.

Как вы обучались? Была у Вас до этого военная подготовка?

Я в горном техникуме учился. Взрывное дело знал. Поэтому меня направили в инженерную роту, то есть в сапёры — наведение мостов, или взрывать мосты.

В мае 1943 года мы прибыли под Москву, и там мы обучались в прифронтовой обстановке ещё в июне. А в июле нас направили через Калугу на Брянский фронт, где мы вступили в бой. Это севернее Орла. Намеревалось наше командование ударить во фланг немецкому выступу, чтобы в случае удачи отрезать их, как в Сталинграде. Немцы отступили, наши войска заняли Орёл. Я в Орле побывал. Город был разрушен. Мало того, что все кирпичные крупные сооружения были разрушены, так немцы ещё внутри их заминировали, чтобы русские несли потери при восстановлении разрушенных помещений.

В боевой обстановке я участвовал там до конца августа. А в конце августа, нас, 30 человек, направили в танковое Горьковское училище. Причём, полковник Смирнов назначил меня старшим по команде. Явились мы в Москву, одежка у нас была такая неважная. Там комендант как только посмотрел: «Вычистить! Вымыть всё! Иначе никуда не пушу по Москве!» В том числе и москвичи там были, эвакуированные, их тоже никуда не пускали.

А что на вас было одето?

Хорошая была одежда, когда вступали в бой, но в боевой обстановке это всё обветшало, в негодность многие вещи пришли.

Вот после этого я попал в танковое училище. В начале нас обучали на танк Т-34. Это производство Тагильского завода. Затем

нас переправили, один батальон, на новую марку машины Т-44. Тоже Тагильского завода, но совершенно иной корпус и новое орудие. На Т-34, уже модернизированном, была пушка 85 мм, а на Т-44 было морское орудие поставлено 100 мм. Но, когда на ходу танк должен стрелять, орудие Т-44 черпало землю, и, как у пеликана... Разрыв орудия был. Эта машина не пошла, не выдержала испытаний. И нас направили в новое училище. Там осваивали самоходную установку САУ-100 (самоходная артиллерийская установка со 100 мм орудием). Это орудие было установлено в шасси танка Т-34. И эту машину я получал уже на Уралмаше. Это было весной 1945 года. Мы приехали в апреле, а в мае месяце считали, что война закончилась.

Уже подписана была капитуляция Германии, и думали, что конец войне. Я в это время успел жениться. Мы с супругой будущей давно знакомы были. Готовились уже к мирной жизни, а оказалось, что ещё соглашение было об участии Советского Союза в войне с Японией. И нас отказались демобилизовать. Нас направили на Дальний Восток. Там одна часть танков — Забайкальский фронт, вторая часть — Дальневосточный фронт. Мы попали на Забайкальский фронт, и нас направили в Монголию. Из Монголии через Хинган вторжение танковых частей в Манчжурию, в обход укреплений. С Японией справились очень быстро. Хотя у японцев самая крупная наземная сухопутная армия находилась как раз в Манчжурии и восточной части Китая. Видимо, и вступление Советского Союза, которое ликвидировало Квантунскую армию, и две атомных бомбы в совокупности привели к тому, что у Японии выбора, кроме как капитуляция, не было.

Спасибо, Иван Никанорович! Но мне хотелось бы узнать о Вас, как о человеке, что Вы видели, что чувствовали.

Допустим, так. Война на западе, с Германией. Бомбардировки, артиллерийский обстрел, конечно, — страшная вещь. Из тяжелых орудий, ночью. Земля гудит. Или рядом девушки. Утром я пошел, посмотрел. Верхняя часть тела, головы нет, только подбородок. Они, неопытные, держались в той стороне оврага, а мы ближе к прикрытию, в южной части. Нас не тронуло, а их разбило так.

Был случай, когда начали обстрел из орудий шрапнелью. Это фактически летит снаряд, потом разрывается и покрывает осколками. Окоп, один наш сержант, на него второй, а я уже так, третий, спасались от этого. Осколок снаряда меня не коснулся, прошел между ног

и между ног того, кто средним был, прошел и ранил того, кто внизу лежал. Раздробило кость ноги.

Или так. Около реки мы находились и обеспечивали снабжение боеприпасами и другим снаряжением. Это было в Брянской области. Подошел майор и говорит: «Чемпалов, иди, вторую часть роты веди сюда. У нас только половина роты». Смотрю, только вошел в рожь, на другом берегу реки с самолёта начали бомбить, где находилась наша полурота. Парень, начальник цеха из Челябинска, там был, вместе мы были. Я спасся, а он погиб. Я вернулся, привёл людей, а он лежит.

За всё время боёв мне руку только так, осколком... Однажды во время бомбёжки самолётом забежали в здание, и я прислонился щекой к стене. Больше я так не делал, потому что во время бомбёжки это всё ходуном ходит. И мне как ударило в щёку!

Какие-то были у вас на фронте сувениры, приметы?

Этот парень, Шмелёв Николай Алексеевич, который погиб, всё смотрел на портреты своих ребяташек. Какой-то,.. как чувствовал...

А так, ничего такого. Оптимистическое настроение было. Родители у меня были в Челябинске. Брат был, сёстры были. Я думал, что в случае чего, стариков не оставят в беде. Когда я добровольцем записывался, считал, что мне неприлично будет находиться вне боевых действий. После войны будут судить о тех, кто сражался, и кто в тылу оставался.

Мы были в то время коммунисты. Я был принят кандидатом в партию на заводе, хотя отец у меня был раскулачен. Он в 1929 году, когда коллективизация, отказался вступить в колхоз, потому что в 1920-м году был в коммуне. Коммуна распалась, и он не верил в это. Брат был старший. И секретарь райкома пригласил к себе: «Степан, получена директива сверху, организовать колхоз. Думали рекомендовать тебя председателем колхоза». Председателем колхоза он отказался, в колхоз не вступил. Секретарь райкома сказал: «Ты человек влиятельный. Раз ты отказываешься вступать в колхоз, чтобы тебя утром здесь не было!» Взял он детишек и уехал в Миасс. Вот в Миасс и потянулась вся семья. Там я учился, вначале в средней школе-девятилетке, школа второй ступени тогда считалась, а потом в техникуме. На отца прислали грамоту из села. Когда меня в партию принимали, я и сказал, что отец раскулаченный. Но мне сказали, что мы принимаем в партию не отца, а тебя. А я был заместителем начальника цеха. У нас четыре

крупных цеха было на заводе. Начальник относится к заводууправлению, а заместитель руководит производством.

На фронте быстро выбирало людей. Когда мы вступали в бой, наш батальон — 500 с лишним человек, а после трёх недель боевых действий нас посадили на три автомашины ЗИС. Примерно 100 человек, все остальные убиты или ранены.

Вот, ранило командира взвода моего, он грузин был. Он подошел ко мне и говорит: «Чемпалов, посмотри, что у меня с горлом, пробито или нет?» Я ему говорю: «Если бы пробито, ты бы хрипел, а не говорил! Тебе только оборвало кожу, иди в санбат». В это время майор подходит ко мне и говорит: «Принимай взвод!» Вот я стал командиром сапёрного взвода.

В нашем батальоне 70 % были члены партии. Я потом был в разных частях, лучше Уральского добровольческого танкового корпуса по настроению людей, по товарищескому общению больше не встречал. В отделении, где я был, нас было 11 человек, как братья... И когда меня назначили командиром взвода, мне жалко было уходить.

Был случай такой. Обстрел. Я на гречишном поле в окопе лежал. Недалеко машина хозяйственная проходила. И когда её немцы заметили, из миномётов стали бить по машине. Она сделала крутой вираж и уехала. В это время из неё что-то выпало. Я ползком, смотрю, несколько кусков мяса такого, копчёного. У меня была полевая сумка, я это всё туда положил. Смотрю, ко мне ползёт командир другого взвода: «Что ты подобрал?! Делится надо!» А у нас, у добровольцев, у каждого был нож Златоустовского завода. Отрезал кусок и отдал ему. Так потом я встретил его в Москве, в Ленинской библиотеке. Он тоже готовил кандидатскую диссертацию, тоже остался в живых.

Это знаменитые «чёрные ножи»? Хорошие ножи были?

Чёрные, воронёные. Нам говорили, что это булат. Мой приятель держал эту финку в деревянных ножнах, так ему осколок снаряда попал, дерево разбил, а лезвие погнулось. Зато спасся. Если бы не это, погиб бы. Сказал, что теперь до конца жизни будет этот нож носить. Но когда нас направили в училище, ножи конфисковали.

В Курской битве Вы участвовали как сапёр?

В начале как сапёр. А когда назначили командиром взвода, тут же приказ поступил, ночную разведку организовать. Разведку проводил стрелковый взвод, а мы обеспечивали разминирование и так

далее. Ночью провели, утром донесение. Фактически все эти командиры пехотные были усталые и уснули. Разведку до утра, фактически, пришлось мне возглавлять. Утром я написал отчёт, представил его командованию: «Около реки такой-то мы разминировали около тридцати противотанковых мин». Он посмотрел: «Что пишешь! Тебе что, немецких мин жалко?» Взял и ещё нуль поставил. Он, конечно, дуралей. 300 мин не разминировать за ночь. Нас было человек пятнадцать, поэтому непосильная была бы работа. Такие статистические данные иногда бывали.

Вы сталкивались с немецкой техникой? Какие-то оценки можете дать?

Около Орла, там река Ока, стоял танк «Тигр». Лобовая броня 100 мм. Для наших орудий неуязвим. Били либо по гусеницам, либо в упор попадёт, тогда горячее воспламеняется. Видел «Фердинанды», они имели на вооружении очень точное орудие 88 мм. Это фактически зенитное орудие, приспособленное. Ведь когда немцы начали войну против Советского Союза, то у них были Т-II, Т-III, Т-IV только в небольшом количестве, а так в большом количестве трофейные чешские, французские танки. Т-II, Т-III, их немцы быстро сняли. Первоначально наши новые танки Т-34 подавляюще действовали на немцев. Но их было мало. Вот, говорят, что у нас были десятки тысяч танков. Но это же БТ или Т-60, Т-70! Это всё бензиновые, они быстро воспламенялись. Наши, в отличие от немцев, взяли курс на использование дизельных моторов. Это достижение было двойное! У немцев бензиновые двигатели. Даже если они наши запасы горючего захватывали, оно было непригодное для немецких танков.

Какие болезни были на фронте?

При первом удобном случае, даже если не очень чистая вода, мы старались вымыться и уничтожить всякую живность. Мы только иногда в немецкие окопы или блиндажи заглядывали. Немцы очень вшивые были, и мы их блиндажи старались не занимать.

Когда командир бригады отправлял нас в училище, я вначале не хотел идти. А капитан, который сопровождал полковника, мне сказал: «Ты что думаешь, вот я не первый год участвую в войне, скоро будешь зимой сидеть перед костром. А так вас месяцев шесть подержат в танковом училище, и к весне вы вернётесь на фронт!» Убедил он меня, что стоит пойти в танковое училище. В связи с переходом из одного

танкового училища в другое мы вначале в Горьком были, потом перевели в Ефремов, потом нас в Харьков перевели, а после в город Глухов в Сумской области.

А питание?

На фронте плохой хлеб только был. Его старались заменить сухарями, они менее опасны.

Немецкие продукты пробовали?

Это больше интенданты. А вот спиртные напитки у них... Мы охотились. Фляжка, бывает, попадётся...

Как у нас было со спиртным?

На Западном фронте не давали. А на Восточном фронте, в Манчжурии, там ханжа. Это вроде нашей самогонки. Только гнали её из самого скверного китайского проса.

Официально вам водку не выдавали?

Нет, только так, в виде трофея.

Вы не курили?

Я получал, когда стал командиром взвода, 30 пачек папирос отечественного производства. Но я не курил. Потом, когда в Монголии мы были, уже закончилась война, нам 30 пачек паёк был, и 30 пачек мы могли ещё покупать. Я покупал.

Зачем?

Ребятам. Уже после войны, мы с ребятами на станции Мациевская, недалеко от границы с Манчжурией, стояли. Нас отвели уже. На этой станции выходили к поездам манчжуры, везли из Харбина русскую монопольку. Наши эмигранты гнали там водку. Она ниже нашей была по градусности, 30–32 градуса. Обычно они везли под вагонами контрабандой на территорию Советского Союза.

Наркотики не водились в Манчжурии?

На одной станции, смотрю, мой механик Сашка (хороший механик у меня был!), несёт две восьмилитровых банки. Я говорю: «Сашка, что несёшь?!» «Спирт», — говорит. Я посмотрел: «Это же наркотик!» «Какой наркотик! Вон с соседней батареи младший лейтенант уже опохмеляться идёт!» Там было 70 % спирта, остальное вода и наркотик из опиумного мака.

Вы встречали там японских солдат?

Встретил там, на станции, длинный эшелон. Японцы. Подходят, начинают на английском беседовать. У него английский примерно

такой же, какой у меня был университетский. Мы с ним договорились. После этого он начал мне всякие картинки показывать. Русские такие не употребляют. Беседа закончилась.

Они не выглядели унылыми, печальными и голодными?

Как только вышел лейтенант японский, все японские солдаты вытянулись. Даже в плену, в отличие от наших, слушались офицеров. Наши солдаты по отношению к офицерам держались смело, независимо, в ряде случаев даже дерзко. Особенно те, кто на Дальнем Востоке был призван ещё до войны и всю войну просидел там в окопах.

Говорят, Вам, никаких особых наград не дали, потому, что Ваш отец был раскулачен?

Там ситуация была такая, что если какое-то донесение, наградная и так далее, она вначале поступает в Особый отдел. А там смотрят, какого происхождения.

Вам даже не дали «За победу над Германией»?

Нет, это было. Медалей послевоенных много. Я никогда не носил. И университетский значок.

Вы в каком году закончили университет?

В 1948-м. В 1938-м поступил и в 1948-м закончил. И вот ребята мне говорят: «У тебя диплом с отличием, а почему ты так долго учился, ты что, двоечником был?»

Вы помните, что Вам снилось? Или Вы не видите снов?

Нет, не вижу, а если и вижу, то не запоминаю.

Я был направлен из танкового училища в школу СМЕРШ. Провел медицинское обследование. После этого вызывает меня майор лет пятидесяти: «У Вас солидный послужной список. Что думаете делать после войны?» Я говорю: «Товарищ майор, я же доброволец, и хочу добровольно уйти». «У нас же самая настоящая работа только начнётся». Я говорю: «Товарищ майор, если надо, я пойду, но Вы же спрашиваете о желании. Я вновь повторяю, я желаю перейти на гражданскую работу». Моей логикой он был удивлён: «Ладно, я Вас отпускаю».

Екатеринбург, 14 декабря 2006 г.

Этой историей о встрече с майором госбезопасности Иван Никанорович и закончил интервью. Эту историю он очень любил и рассказывал на моей памяти не раз. Надо сказать, что она тоже имеет

своеобразную символическую нагрузку, обозначая переход из мира несвободы в свободное плавание учёного-исследователя. Она даже напоминает мне библейскую притчу об искушении Христа в пустыне, но в своём, светском варианте. Будучи убеждённым атеистом, Иван Никанорович, тем не менее, отверг все богатства мира и могущество славы, которыми его искушал майор, и выбрал нелёгкий и тернистый путь поиска исторической правды.

Библиография избранных научных трудов профессора И. Н. Чемпалова

- Итало-германская агрессия против Греции и позиция Англии и США (1940–1941 гг.). Дисс... к.и.н. Москва, 1953.
- Политика великих держав в Юго-Восточной Европе накануне второй мировой войны (1933–1939 гг.). Дисс... д.и.н. Пермь. 1973.
- Политика англо-французского блока на Балканах в период «странной войны» // Ученые записки Уральского университета. Вып. 16. Свердловск, 1957. С. 100–137
- Германская экспансия на Балканах в 1933–1938 гг. // Ученые записки Уральского университета. Вып. 25. Свердловск, 1958. С. 41–88.
- К истории заключения германо-румынского экономического соглашения // Новая и новейшая история. 1959. № 1. С. 135–149.
- К вопросу о германском ультиматуме и английских «гарантиях» Румынии (март — апрель 1939 г.) // Рабочее движение и международные отношения в зарубежных странах. Свердловск, 1960. С. 3–24.
- Из дейности на хитлеристския посланик в Анкара Франц фон Папен в навечерието и в началото на Втората световна война (април 1939 г. — юни 1941 г.) // Исторически преглед. София. 1962. № 2. С. 54–59.
- Фальсификация истории гитлеровской агрессии на Балканах в 1940–1941 гг. // Вопросы истории. 1962. № 4. С. 201–202.
- Борьба Болгарской рабочей партии против вовлечения страны в войну (сентябрь 1939 — май 1940 гг.) // Из истории рабочего и коммунистического движения в зарубежных странах. Свердловск, 1963. С. 77–115.
- Болгарские рабочие в немецко-фашистском рабстве (1939–1944 гг.) // Из новейшей истории зарубежных стран. Свердловск, 1963. С. 56–83.
- Германская агрессия на Балканах летом 1940 г. // Материалы науч. сессии вузов Уральского экономического района. Свердловск, 1963. С. 141–146.